RAY BRADBURY

THE MARTIAN CHRONICLES

"THE MARTIAN CHRONICLES IS ON ONE LEVEL A KIND OF PLANETARY NIGHTS' ENTERTAINMENT. BUT ON A DEEPER LEVEL IT IS AS GRAVE AND TROUBLING AS ONE OF HAWTHORNE'S FANCY-FILLED ALLEGORIES."

CLIFTON FADIMAN

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предисловие к переизданию «Марсиансикх хроник». История о том, насколько случайным было первое издание «Марсианских хроник». Если бы хоть одна из этих случайностей не произошла, возможно, мы бы и не знали этой истории.

- Рэй Брэдбери
  - ○

Рэй Брэдбери
Долгая дорога на Марс

Как я перебрался из Уокигана, штат Иллинойс, на Красную планету, Марс?

Возможно, об этом могли бы рассказать два человека.

Их имена указаны в посвящении юбилейного издания, выпущенного к сорокалетию со дня выхода в свет «Марсианских хроник».

Эти двое — мой друг Норман Корвин, который первым выслушивал мои марсианские истории, и мой будущий редактор Уолтер Брэдбери (не родственник), который сразу же разглядел, что я затеял, хотя сам я об этом еще не подозревал, и убедил меня закончить роман, который я даже не знал, что пишу.

Мое путешествие в тот весенний вечер 1949 года, когда Уолтер Брэдбери заставил меня удивиться себе самому, проходило по неуправляемой траектории многочисленных «а что, если».

А что, если бы я не услышал радиопостановки Нормана Корвина и не влюбился в нее, когда мне было девятнадцать?

А что, если бы я не отправил свой первый сборник рассказов Корвину, который потом стал мне другом на всю жизнь?

А что, если бы я не последовал его совету и не поехал в Нью-Йорк в июне 1949 года?

Ответ простой: возможно, не было бы никаких «Марсианских хроник».

Однако Норман упорно твердил, что мне пора бы уже засветиться в манхэттэнских издательствах, и что он со своей женой Кэти встретят меня в Нью-Йорке, все покажут, расскажут и будут всячески оберегать. Из-за его уговоров я, оставив беременную жену в Лос-Анджелесе, проехал через всю страну — четверо суток в междугороднем автобусе, четыре долгих дня и ночи, свернувшись, как прокисший чайный гриб, в шарообразный,

заплесневелый грибок, с 40 долларами на банковском счету и договоренностью с общежитием Молодежной христианской ассоциации (5 долларов в неделю), ожидавшим меня на Сорок второй улице.

Корвины, выполняя свое обещание, всячески меня опекали и знакомили с редакторами, которые спрашивали:

— Вы привезли роман?

Я признавался, что, будучи спринтером, привез только пятьдесят коротких рассказов и древнюю, побитую жизнью пишущую машинку. Есть у них надобность в полусотне рассказов, плодов буйного творческого воображения, в основном гениальных? Такой надобности у них не было.

Что приводит к последнему, самому главному «а что, если».

А что, если бы я не пошел ужинать с самым последним из редакторов, которому я был представлен — Уолтером Брэдбери из Doubleday, и он не задал бы мне все тот же гнетущий вопрос: есть ли у меня готовый роман, и не услышал бы в ответ мой рассказ о забеге на милю за четыре минуты, это когда за завтраком я наступаю на мину-идею, она взрывается, а я собираю куски и осколки и сплавляю их заново, чтобы к обеду они охладились.

Уолтер Брэдбери покачал головой, доел десерт, крепко задумался и сказал:

— Мне кажется, вы уже написали роман.

— Как? — спросил я. — Когда?

— А вот эти ваши марсианские рассказы, которые вы публиковали последние четыре года, — сказал он. — Ведь там же есть некая общая нить? Может быть, вы их как-то пришьете друг к другу, вроде как соберете мозаичный гобелен, троюродный брат романа?

— О, Боже! — воскликнул я.

— Что?

— О, Боже, — повторил я. — В 1944-м я прочел «Уайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона, и книга настолько меня впечатлила, что я сказал себе: надо бы попытаться написать что-то хотя бы наполовину такое же сильное, а действие перенести на Марс. Я даже составил краткие описания героев и событий на Красной планете, но потом потерял их в своих бумагах!

— Похоже, мы их нашли, — сказал Брэд.

— Правда?

— Даже не сомневайтесь, — сказал Брэд. — Возвращайтесь к себе в общежитие и составьте краткий конспект всех марсианских рассказов. Завтра несите его ко мне. Если мне понравится, сразу подпишем договор, и я дам вам аванс.

Дон Конгдон, мой лучший друг и литературный агент, сидевший напротив, кивнул.

— В полдень буду у вас в редакции! — сказал я Брэду.

Чтобы это отметить, я заказал второй десерт. Брэд и Дон взяли по пиву.

Была типичная для Нью-Йорка жаркая июньская ночь. Кондиционеров тогда еще не придумали. Я посидел за машинкой до трех часов пополуночи, в одних трусах, обливаясь потом, сводил по весам и центровкам своих марсиан в их странных городах в последние часы до прибытия и отбытия моих космонавтов.

Ровно в полдень, усталый, но довольный, я положил конспект на стол Уолтера Брэдбери.

— Вы это сделали! — сказал он. — Завтра подпишем договор, и сразу получите чек на аванс.

Кажется, я выражал свои чувства чересчур бурно. Слегка успокоившись, я спросил про другие мои рассказы.

— Сейчас, когда мы будем публиковать ваш первый роман, — сказал Брэд, — можно рискнуть и с рассказами, хотя подобные сборники редко когда продаются. Сможете придумать название, которое объединило бы два десятка разрозненных рассказов?

Вроде как одело бы их в кожу…

— В кожу? — переспросил я. — Тогда почему бы не «Человек в картинках»? Так называется мой рассказ о цирковом зазывале, чьи татуировки двигались, и оживали, и разыгрывали будущее в живых картинах у него на груди, на руках и ногах.

— Похоже, придется выписывать сразу два чека, на два аванса, — сказал Уолтер Брэдбери.

Через три дня я уехал из Нью-Йорка с двумя подписанными договорами и двумя чеками на общую сумму 1500 долларов. Достаточно, чтобы платить целый месяц за съемное жилье по 30 долларов в месяц, поднять ребенка и внести первый взнос за маленький типовой домик вдалеке от Венеции, штат Калифорния, и от моря. К тому времени, когда родилась наша первая дочь — осенью 1949 года — я уже совместил и приладил друг к другу все, когда-то потерянные, а теперь вновь обретенные марсианские штуковины. У меня получился не парад чудаковатых персонажей, как в «Уайнсбурге, Огайо», а сплав странных идей, представлений, фантазий и грез, которые виделись мне во сне и грезились наяву, начиная с двенадцати лет.

«Марсианские хроники» вышли на следующий год, в конце весны 1950-го.

Когда я поехал на восток той весной, то еще сам не ведал, что сотворил. Оказавшись в Чикаго, я пошел в Институт искусств, чтобы пообедать с одним из моих друзей. Я увидел толпу на лестнице института и подумал, что это туристы. Но, как только я стал подниматься, эти люди бросились мне навстречу и окружили со всех сторон. Оказалось, что это не поклонники искусства, а читатели, которые уже прочитали мои «Марсианские хроники» и пришли, чтобы сказать мне, что именно я написал, сам того не понимая. После той встречи моя жизнь изменилась уже навсегда. После той встречи все стало иначе.

Список этих «а что, если» можно продолжать бесконечно. А что, если бы я не встретил Мэгги, которая согласилась стать моей женой и приняла ради меня обет бедности? Что, если бы в ту же неделю, когда я женился на Маргарет, Дон Конгдон не пожелал бы стать моим литературным агентом, каковым он остается уже сорок три года?

И что, если бы, вскоре после выхода «Хроник», я не зашел бы в тот маленький книжный в Санта-Монике, куда в то же самое время заглянул и Кристофер Ишервуд?

Я быстренько подписал и вручил ему экземпляр моей книги.

Ишервуд принял подарок с выражением встревоженным и тоскливым, и тут же сбежал.

Через три дня он позвонил мне домой.

— Знаете, что вы сделали? — спросил он.

— Что?

— Вы написали отличную книгу. Я буквально на днях стал главным книжным обозревателем в журнале «Tomorrow», и ваша книга будет первой, о которой я напишу.

Спустя пару месяцев Ишервуд позвонил и сказал, что известный английский философ Джеральд Херд хочет со мной познакомиться и для этого приехать ко мне.

— Ко мне нельзя! — крикнул я.

— Почему?

— Потому что мы только что въехали в новый дом, и у нас нет мебели!

— Джеральд Херд будет сидеть на полу, — сказал Ишервуд.

Херд приехал и сидел на единственном в доме стуле.

Мы с Мэгги и Ишервудом сидели на полу.

Через пару недель после той встречи Херд и Олдос Хаксли пригласили меня на чай, и оба спросили, вторя эхом друг другу:

— Вы сами-то знаете, кто вы?

— Кто?

— Вы поэт, — сказали они в один голос.

— О, Боже, — ответил я. — Правда?

Так что мы завершаем на том, с чего начали: один друг отправляет меня в дорогу, другой встречает в конце пути. Что, если бы Норман Корвин не уговорил меня уехать в Нью-Йорк, а Уолтер Брэдбери не принял бы меня там?

Возможно, у Марса никогда не появилась бы атмосфера, и марсиане никогда не рождались бы и не жили в своих золотых масках, а их непостроенные города навсегда затерялись бы среди холмов с неразработанными карьерами. Большое спасибо этим двоим за ту поездку в Манхэттэн, обернувшуюся путешествием в другой мир — кольцевым рейсом, который существует уже сорок лет.